

Православное обозрение

1890. Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П68

П68 Православное обозрение: 1890. Том 3 / – М.: Книга по Требованию, 2021. –
416 с.

ISBN 978-5-458-03077-9

ISBN 978-5-458-03077-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дошли?! Отвергнуши догматику и исторію христіанства, взявъ будто-бы изъ Евангелія, изъ передѣланнаго имъ Евангелія пять слѣдующихъ заповѣдей: 1) не противься злу или злему, 2) не прелюбодѣйствуй, 3) не клянись, 4) не судись и 5) не воюй, графъ Левъ Толстой *отвергаетъ разность общественнаго состоянія, какъ зло*; все, что прежде казалось ему добрымъ и великимъ—почести, слава, титулы, ранги, достоинства, вся цивилизація—все это сдѣлалось для него злымъ и низкимъ. Онъ отрицаетъ *различіе между тѣми связями, которыя называются супружествомъ, и тѣми, которымъ отказываютъ въ этомъ имени. Онъ отвергаетъ всякую клятву и присягу. Клятва и присяга—зло*; имя Божіе въ клятвѣ и присягѣ служитъ саниціей обмана; все, что ему прежде казалось добрымъ и великимъ: клятвенное обѣщаніе *вѣрности правительству*, и всѣ дѣйствія, совершаемыя во имя клятвы, все это для него теперь зло и презрѣнно. Онъ отвергаетъ *всякую общественную и частную защиту лица, собственности и правъ, всякій судъ, всякую власть*, все, что казалось ему хорошимъ и великимъ: собственность всякаго рода, заботы о своемъ достоинствѣ, права, защита себя и другихъ, участіе въ судѣ и власти, все это для него теперь дурно и презрѣнно. Онъ отвергаетъ *отечество, всякую къ нему любовь, всякую ему вѣрность*. Различіе между своимъ народомъ и между другими народами есть зло; *патріотизмъ и любовь къ отечеству—грубая ложь, внушеніе бессмысленнаго воспитанія*. Любовь къ отечеству, къ своему народу, къ своему государству, государственная служба, подвиги людей военныхъ для него *отвратительны и жалки*. Вся наша жизнь,—учить Толстой,—негодна въ самомъ своемъ корнѣ; вся она основана на *насиліи*; отъ насилія вся наша теперешняя жизнь проникнута развратомъ; развратъ осырывается и тамъ, гдѣ его никакъ не предполагаютъ; развратъ гнѣздится и въ томъ, что нынѣшніе люди считаютъ самымъ законнымъ пользованіемъ своими правами, или исполненіемъ своихъ обязанностей; *на насиліи основама администрація, на насиліи основанъ судъ: развратъ, произведеніе насилія—вся наша культура, вся цивилизація*; нужно радикально измѣнить всю теперешнюю нашу жизнь; *всякая внѣшняя сила, самая законная власть—есть насиліе, которое должно быть изгнано изъ человѣческаго общества*; нужно уничтожить насиліе вообще и

всѣцѣло; уничтожать насиліе (т.-е. весь нынѣшній общественный порядокъ) вообще, вездѣ и всецѣло, это и значить не противиться злу или злому.

Это мы, какъ и другіе, уже разъясняли. Это стало больше или меньше общеизвѣстно. Теперь мы намѣрены вновь разъяснить, что графъ Левъ Толстой *измѣняетъ самымъ кореннымъ началамъ общечеловѣческаго чувства.*

Онъ издалъ новое подпольное сочиненіе, которое называютъ — *Крейцерова Соната*. Оно подпольно, оно не разрѣшено въ Россіи, оно даже не напечатано въ Россіи, оно ходитъ по рукамъ пока только въ литографіи. Не заявлено даже, онъ-ли авторъ этого сочиненія *. Но общественное мнѣніе приписываетъ его ему, Льву Толстому. Впрочемъ появляются указанія на него и въ литературѣ, появляются даже робкія пока, хотя и сочувственныя попытки его оцѣнки. По внутреннимъ же характернымъ признакамъ, по исключительной, свойственной одному графу Льву Толстому манерѣ мыслить и писать, мы рѣшительно приписываемъ это сочиненіе ему, Льву Толстому, какъ автору. Оно не напечатано, оно не разрѣшено въ Россіи цензурою; но и прочія самыя радикальныя произведенія Льва Толстаго не были же разрѣшены и напечатаны въ Россіи. Тѣмъ не менѣе имѣютъ широкое по любезному отечеству нашему распространеніе и въ печати и въ рукописяхъ. Онъ переведены на всѣ языки и читаются всѣми желающими въ Европѣ и Америкѣ такъ же, какъ и въ Россіи. Такъ и „Крейцерова Соната“, извѣстно, на русскомъ языкѣ въ Россіи читается въ разныхъ видахъ изданія цѣлыми кругами читателей; она же, слышно, появилась уже за границею и въ печати на русскомъ и разныхъ языкахъ. Замалчивать ее въ Россіи пустая безцѣльная мѣра. Эта новина привлекаетъ и привлечетъ къ себѣ такую сумму читателей, какую только способна по внутренней своей притягательности; кромѣ того она видимыми и невидимыми путями и пропагандируется. Мы не искали ея; намъ ее прислали. По поводу ея говорить даже о новомъ неслыханномъ родѣ книжной торговли; именно счастливый обладатель литографированнаго экземпляра „Крейцеровой Сонаты“ даетъ это желанное сокровище на сроки для

* Теперь въ газетахъ уже заявляется.

прочтенія, и за прочтеніе въ извѣстный орокъ беретъ особую плату. Это будетъ до тѣхъ поръ, конечно, пока это сочиненіе составляетъ новину; но нѣтъ сомнѣнія, что черезъ полгода его экземплярами, въ томъ или другомъ видѣ, наполнены будутъ чрезъ пропагаторовъ, чрезъ книгоношъ, все русскія деревни.

Принимая все это во вниманіе, мы считаемъ себя не только въ правѣ, но считаемъ и своимъ долгомъ сказать свое слово объ этомъ сочиненіи. Считаемъ тѣмъ болѣе, что авторъ его выступаетъ въ немъ опять же въ качествѣ учителя религіи, въ качествѣ христіанскаго проповѣдника, въ качествѣ апостола и евангелиста новаго своего евангелія. Онъ и начинаетъ свое произведеніе, какъ проповѣдь или духовную бесѣду, текотоу Евангелія, и оканчиваетъ тѣмъ же текотоу съ произвольнымъ своимъ толстовскимъ толкованіемъ. Читатели этой новой проповѣди уже нашлись, найдутся и послѣдователи. Въ панурговомъ стадѣ его безчисленныхъ поклонниковъ найдется премного таиникъ, которые и въ новомъ его евангеліи найдутъ руководительную для своей слѣпоты истину и увлекутся ему; куда увлекутся, это пока еще трудно съ точностію опредѣлить. Могутъ даже увлечься къ повальному разврату, при отверженіи брака въ принципѣ, подобно нашимъ раскольникамъ едословцамъ. Но позволительно провидѣть, что „Крейцерова Соната“ повліяетъ на нашу легкую интеллигенцію не слабѣе, по меньшей мѣрѣ, того, какъ въ свою пору повліяло пресловутое: *Что дѣлать?* Хотя по духу и направленію эти два произведенія только отчасти сходны, большею же частію противоположны. То и другое рассчитано на овецъ. Куда одна овца потянетъ, туда шаряхнутся и все овцы. Въ модномъ, по духу минути, вѣяніи они увидятъ для себя руководительный свѣтъ, услышатъ повелительное слово гениальнаго мудреца. По нашему же суду, это новое евангеліе—слово безумца, рѣшительно выкивающего изъ ума. *Это излѣтна, мы сказали, самымъ кореннымъ началомъ общечеловѣческаго чувства, да и вкуса, да и смысла.*

Вотъ посмотришь и увидишь.

Скажемъ предварительно, что въ фактической сторонѣ этой новой проповѣди заключено много поражающей, неслышанной прежде правды. Въ прежнее время о ней не принято было говорить. Прежде многіе знали ее про себя и помалчивали. Толстой первый назвалъ ее по имени въ слухъ всего свѣта. Но

назвалъ, преувеличивъ ее до уродливости, до отвращенія, назвалъ во всѣхъ неназываемыхъ подробностяхъ, назвалъ цинически открыто, такъ что и повторять его, даже осуждая его, неудобно, неприлично для говорящаго, стѣснительно для слушающихъ, неумѣстно по строгому духу мѣста нашей рѣчи. Не сдержаннымъ, не возвышеннымъ языкомъ проповѣдника, оратора, философа, поэта, а безцеремонно интимнымъ языкомъ врача самыхъ оскверненныхъ болѣзней человѣчества, называетъ онъ по имени такия современности, которыя человѣчество привыкло таить въ продолженіи тысячелѣтій, какъ неназываемыя, какъ *rudenda*. Мы все это, конечно, обойдемъ, назвавъ ихъ настолько, сколько нужно, чтобы понять его. Постараемся выставить въ ясности только его нелѣпыя, невозможныя, невѣрные общечеловѣческой дѣйствительности, прямо безумныя выводы.

Для ясности замѣтить, что въ этомъ сочиненіи самъ Левъ Толстой выставилъ себя только слушателемъ и собесѣдникомъ героя, который рассказываетъ ему повѣсть своей жизни, повѣсть о томъ, какъ онъ, будучи развратнымъ юношею и молодымъ человѣкомъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ женился на кевинной дѣвѣ, мучилъ ее и мучился самъ своею ревностію и наконецъ убилъ ее. Собственно этотъ герой поучаетъ самаго Толстого, какъ и весь міръ. Но ясно, что Толстой вкладаетъ ему въ уста не иное что, какъ свои любимыя, извѣстныя толстовскія идеи. Толстой самъ какъ будто въ сторонѣ, за него проповѣдуетъ его нелѣпое евангеліе; въ приложеніи къ жизни, другое лицо, герой сочиненной имъ повѣсти. Замѣтимъ еще, что этотъ герой, принадлежа самъ къ интеллигентной дворянской средѣ, говоритъ, главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, объ этой средѣ и для этой дворянской образованной среды. Рѣшительно и настойчиво утверждаетъ онъ объ этой средѣ просто ужасы. Внушаетъ ей, какъ и всѣмъ, просто ужасы. Учить ужасамъ, даже отрицая ихъ. Судите сами, вѣрно-ли мы говоримъ, вѣрно-ли онъ говоритъ? И что такое, какіе ужасы онъ говоритъ, какое отвращеніе, какое извращеніе понятій и правилъ онъ внушаетъ?

Разсужденіе идетъ о семейной жизни, о бракѣ, который пересталъ быть истинно христіанскимъ и который желательнѣе Толстому сдѣлать христіанскимъ въ своемъ вкусѣ, во вкусѣ своего евангелія.

Исходить онъ изъ своего основнаго воззрѣнія, что религія пала и не встанетъ, не можетъ встать; что Бога и безсмертія нѣтъ и быть не можетъ; Христосъ не воскресалъ и не училъ о воскресеніи. Поэтому нужно человечеству устроиться и устроить свою семейную жизнь на этой новой основѣ, безъ религіи, безъ Бога, безъ Христа Бога, однако же на основаніи Христова, хотя и исправленнаго Толстымъ, Евангелія.

Браки существовали и существуютъ у тѣхъ людей, — проповѣдуетъ герой Толстаго, т.-е. самъ Толстой, — которые въ бракѣ видятъ вѣчто таинственное, видятъ таинство, которое обязываетъ предъ Богомъ. Но эта старая основа износилась, надо найти новую. А то люди женятся по старому, не вѣря въ то, что они дѣлаютъ, и выходятъ въ бракѣ или обманъ или насиліе, а вслѣдствіе этого развратъ. У этихъ людей изъ 10 брачующихся едва-ли есть одинъ, который не то что вѣрить въ таинство (*открытъ или не открытъ — это не важно*, — изрекаетъ Толстой), но вѣрить въ то, что онъ обязываетъ при совершеніи таинства. Большинство смотритъ на повѣзку въ церковь только какъ на особенное условіе, — страшно сказать, — обладанія извѣстною женщиною. Подумайте, — приглашаетъ насъ самъ Толстой, — какое ужасное значеніе получаютъ при этомъ всѣ подробности бракосочетанія. Никто не вѣритъ и въ то, что при крещеніи говорятъ и дѣлаютъ надъ ребенкомъ. Это бросили, не вѣрятъ, но ничѣмъ не замѣнили, и осталось одно то, что есть у животныхъ.

Бракъ въ наше время — обманъ и насиліе, лицемеріе и насиліе. Когда обманъ, то это легче переносится. Мужъ и жена только обманываютъ и себя и людей, что они состоятъ въ единомъ бракѣ, а живутъ въ многоженствѣ и многомужествѣ. Но когда, какъ это всего чаще бываетъ, мужъ и жена приняли на себя обязательство жить вмѣстѣ всю жизнь и сами не знаютъ, зачѣмъ, за что, а со втораго мѣсяца уже желаютъ разойтись и все-таки живутъ, тогда это выходитъ тотъ страшный адъ, отъ котораго спиваются, стрѣляются, убиваютъ и отравляютъ себя и другъ друга. Любовь, бракъ, семья — все ложь, ложь, ложь! Мужчина все вретъ о высокихъ чувствахъ, ему нужно только тѣло женщины. Вѣдь наша возбуждающая излишняя пища, при совершенной физической праздности, ести не что иное, какъ систематическое разжиганіе похоти. Мужчины содержатся и кор-

мятся, какъ приплодные самцы (по подлинному выраженію, „сл-е-ж-цы“). Всякая любовь и браки всё обусловлены пищею. Дворяне интеллигенты поѣдаютъ по 2 фунта мяса въ день и дичи, поглощаютъ всякія горьчительныя яства и напитки. Куда все это идетъ? На излишества чувственной любви. Въдѣ въ бракахъ подразумѣвается любовь духовная, а не чувственная. Но ничего духовнаго тутъ не бываетъ. Если же человѣкъ, какъ въ нашемъ обществѣ, стремится уже прямо къ плотской любви, то хотя бы онъ облекъ ее въ мнимо-нравственную форму брака, будетъ только разрѣшеніе на развратъ, будетъ все-таки безнравственная жизнь, та, въ которой погибаютъ, въ которой губать и которая у насъ называется нравственной семейной жизнью. Выходитъ полное извращеніе понятій.

Какъ можетъ обыкновенная любовь освящать бракъ? Что разумѣть подъ любовью, которая одна освящаетъ бракъ? Любовь—предпочтеніе одного лица предъ всѣми остальными, — предпочтеніе на сколько времени? На мѣсяць? На два дня? На полчаса? Въ жизни бываетъ это предпочтеніе одного предъ другими рѣдко на года, чаще на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на часы. Если говорить не про то, что считается существующимъ, а про то, что есть, — то всякій мужчина испытываетъ то, что называется любовью къ каждой красивой женщинѣ и менѣе всего къ своей женѣ. Того же чувства, которое называется любовью, и которое дается не на мѣсяцы и годы, а на всю жизнь, — этого чувства нѣтъ. Такъ всегда было и есть на свѣтѣ. Да и не можетъ быть иначе. Вѣчною помѣхою вѣчной любви служить пресмыщеніе. Что такіе-то любители другъ друга всю жизнь, только дѣти могутъ вѣрить этому. Но развѣ вы не допускаете любви, основанной на единствѣ идеаловъ, на духовномъ сродствѣ? Отчего же не допускать, отвѣчаетъ герой Толстаго, или точнѣе самъ Толстой; однако же не допускаетъ, такъ какъ духовной любви безъ плотской никогда не бываетъ. Всѣ, всѣ, и мужчины и женщины воспытаются въ какомъ-то благоговѣніи къ тому чувству, которое называется любовью. Внушается, что это—самое благородное и возвышенное въ мірѣ занятіе — быть влюбленнымъ. Но тутъ и обманъ, — предполагается въ теоріи любовь идеальная, возвышенная, а на практикѣ любовь есть нѣчто мерзкое, свинное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно. Въдѣ не

даромъ же природа сдѣлала то, что это мерзко и стыдно, а если мерзко и стыдно, то такъ надо и понимать. А тутъ, напротивъ, люди дѣлаютъ видъ, что мерзкое и стыдное—прекрасно и вѣзвышленно. Супруги нисколько не думаютъ о взаимной духовной жизни; не берегутъ даже физической жизни другъ друга. Нечего удивляться, откуда берется у нихъ озлобленіе другъ къ другу. Это озлобленіе—не что иное, какъ протестъ человѣческой природы противъ животности, которая подавляетъ ее. Любовь, союзъ душъ, и вмѣсто этого ненависть! Влюбленность потопляется удовлетвореніемъ чувственности, и мужъ съ женою остаются другъ противъ друга въ ихъ дѣйствительномъ отношеніи другъ къ другу, т.-е. какъ два совершенно чуждые другъ другу эгоиста, желающіе получить себѣ какъ можно больше удовольствія одинъ черезъ другаго. Ненависть между мужемъ и женою—дѣйствительное отношеніе ихъ другъ къ другу, обнаруживающееся при прекращеніи чувственности. Холодное враждебное между ними отношеніе—это нормальное ихъ отношеніе. Ненависть между супругами—это не что иное какъ взаимная ненависть сообщниковъ преступленія и за подстрекательство и за участіе въ преступленіи. Это убійство. И такъ-то всѣ убиваютъ другъ друга, всѣ, всѣ. Супруги—это два ненавидящихъ другъ друга колдовника, связанные одною цѣпью, отравляющіе жизнь другъ другу. Въ такомъ аду живутъ $\frac{99}{100}$ всѣхъ супружествъ. Это бываетъ со всѣми супружествами. Но всѣ супруги думаютъ, что это ихъ исключительное несчастье, и скрываютъ это несчастье, какъ свой позоръ не только отъ другихъ, но и отъ себя самихъ, въ родѣ дурной болѣзни, сами себѣ не признаются въ этомъ. Супруги не замѣчаютъ, что періоды злобы между ними возникаютъ совершенно правильно и равномерно, соответственно періодамъ того, что называется любовью. Періодъ любви—періодъ злобы; энергическій періодъ любви—длинный періодъ злобы; болѣе слабое проявленіе любви—короткій періодъ злобы. Эти любовь и злоба тоже самое животное чувство, только съ разныхъ концовъ. Вся эта душевная болѣзнь происходитъ просто отъ того, что супруги живутъ безразлично. $\frac{99}{100}$ супружествъ живутъ въ такомъ аду, и это не можетъ быть иначе. Большинство теперешняго образованнаго міра предается разврату брачной жизни безъ малѣйшаго угрызения совѣсти. Да нечему и угрызеть, по-

тому что совѣсти въ этомъ быту нѣтъ никакой, кромѣ, если можно такъ назвать, совѣсти общественнаго мнѣнія и уголовного закона.

Каково!? Каково честить свой бытъ геніальный учитель графъ Л. Н. Толстой! Онъ настаиваетъ на томъ, что всѣ мужья, живущіе на такихъ условіяхъ брака, должны или распутничать или разойтись или убить самихъ себя или своихъ женъ. Если съ кѣмъ это не случается, то это особенно рѣдкое исключеніе.

Возводя свою похоть въ перлъ созданія—въ любовь,—поучаетъ герой Толстаго, т.-е. самъ Толстой,—во имя этой любви, т.-е. пакости, мужчина губить—что же? половину рода человѣческаго, да и все человѣчество. Въ образованномъ мірѣ существуетъ раздѣляемый всеми взглядъ, что женщина даетъ мужчине наслажденіе. Возьмите всю поэзію, всю живопись, скульптуру, начиная съ Пушкина и голыхъ Венеръ и Фринъ. Хитрость діавола: ну гадость—такъ такъ бы и знать, что гадость. Нѣтъ, сначала рыцари увѣряютъ, что боготворятъ женщину; теперь же увѣряютъ, что уважаютъ женщину, уступаютъ ей мѣста, поднимаютъ платки, признаютъ ея права на занятіе всѣхъ должностей, на участіе даже въ правленіи. А взглядъ на нее все тотъ же,—она орудіе наслажденія. И она знаетъ это. Ее такъ и воспитываютъ въ дѣтствѣ, такъ ставятъ и въ общественномъ мнѣніи. И вотъ она все такая же приниженная развращенная раба, а мужчина все такой же развращенный рабовладѣлецъ. Для освобожденія женщины нужно, чтобы общественное мнѣніе считало позоромъ взрѣніе на женщину, какъ на орудіе наслажденія. Эмансипація женщины не на курсахъ и не въ палатахъ, а въ домахъ. Борьба съ проституціей не въ домахъ терпимости, а въ семьяхъ. Научите же ее, какъ она научена у насъ, смотрѣть такъ на саму себя, и она всегда останется низшимъ существомъ. Или она, дѣлая себя бевшлюдною, будетъ вполне проститутка, спустившаяся не на ступень животнаго, но на ступень вещи; или она будетъ то, что есть въ большей части случаевъ—больной, душевно-истеричной, несчастной, безъ возможности развитія. Попуская и многоженство,—не честное, какъ магометанское, а подлое, наше европейское, исполненное лжи и обмана, мы хотимъ имѣть в семью. Женщина должна быть у насъ и женой, и беременной, и кормилицей. А силъ у нея не хватаетъ. И оттого въ нашемъ

быту истерика, нервы, а въ крестьянскомъ кликуши. И отъ этого упадокъ духовной и нравственной силы женщины и ея приниженіе. Страшно подумать. И толкуютъ о свободѣ, о правахъ женщины. Это все равно, что людиѣды откармливали бы плѣнныхъ людей на ѣду и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрили бы, что заботятся объ ихъ правахъ и свободѣ. Животныя какъ будто знаютъ, что потомство продолжаетъ ихъ родъ и держатся извѣстнаго закона воздержности въ этомъ отношеніи. Только человѣкъ, только поганый царь природы, этого знать не знаетъ и не хочетъ. Да, много хуже животнаго человѣка, если онъ живетъ не по человѣчески. Не задумываясь, онъ губитъ половину рода человѣческаго. И изъ женщинъ, которыя должны бы быть помощницами въ движеніи человѣчества къ истинѣ и благу, онъ, во имя своего удовольствія, дѣлаетъ не помощницъ, а враговъ. Чтѣ тормозить повсюду движеніе человѣчества впередъ? Женщина. А отчего онъ таковъ? А только отъ этого. Наши женщины воспитываются, какъ того требуетъ положеніе женщины въ нашемъ обществѣ. Такъ воспитываются всѣ безъ исключенія женщины обеспеченныхъ классовъ. Съ молоду она обучается только тому, чѣмъ она можетъ увеличить свою привлекательность. Всякія, какія бы то ни были женскія воспитанія имѣютъ въ виду только плѣненіе мужчинъ. Однѣ плѣняютъ музыкой и красотою, а другія ученостью и гражданскою доблестью. Но цѣль одна и не можетъ быть не одна, потому что другой нѣтъ, цѣль прельстить мужчину, чтобы овладѣть имъ. Никакое воспитаніе, никакое образованіе не можетъ измѣнить этого, до тѣхъ поръ, пока высшій идеалъ женщины будетъ бракъ, а не свобода отъ чувственности. Вся жизнь ихъ проходитъ въ приготовленіи къ кокетству и въ кокетствѣ. Всѣ онѣ одинаковы и не могутъ не быть одинаковы, потому что для всѣхъ ихъ привлеченіе къ себѣ какъ можно больше мужчинъ есть высшій идеалъ какъ ихъ дѣвичьей, такъ и замужней жизни. Нѣтъ у нихъ чувства сильнѣе этого женскаго—не скажу—тщеславія, но животной потребности всякой самки привлекать къ себѣ какъ можно больше самцовъ съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность выбора.

Доведенная до самой низкой степени униженія, женщина мститъ мужчинамъ, покоряя его и приобретаая страшную власть надъ людьми. Гдѣ же эта особенная власть? Да вездѣ, во всемъ. Проойдите въ

городахъ по магазинамъ. Тамъ сокровища людскаго труда. Посмотрите, въ $\frac{1}{10}$ этихъ магазиновъ есть ли хоть что-нибудь для мужскаго употребленія? Вся роскошь жизни требуется и поддерживается женщинами. Женщины, какъ царицы, держатъ въ плѣну рабства и тяжелаго труда $\frac{9}{10}$ рода человѣческаго. А все оттого, что ихъ унижали. И вотъ онѣ мстятъ дѣйствіемъ на чувственность, уловляя мужчинъ въ свои сѣти. По истинѣ, нельзя допускать такіе нарушающіе общественное спокойствіе поступки, какъ тѣ, прямо вызывающіе чувственность, украшенія своего тѣла, которые допускаются женщинами. Это все равно, что разставить по гуляньямъ, по дорожкамъ всякіе кашпаны... Хуже.

Кромѣ общей причины ненависти другъ къ другу супруговъ, заключающейся во взаимномъ служеніи чувственности, въ соучастіи оскверненія человѣческаго существа, источникъ постоянной вражды супруговъ есть еще взаимная ревность. Это общій удѣлъ супружества. Ревность не можетъ не быть между супругами, безпреступно живущими между собою. Каждый знаетъ про другаго, что сильныхъ нравственныхъ препятствій для нихъ нѣтъ ни у того, ни у другаго; знаютъ это потому, что другъ съ другомъ нарушаютъ нравственныя требованія, и потому они не вѣрятъ другъ другу и караютъ другъ друга.

Дѣти также не сдѣлываютъ брачныхъ союзовъ,—учить герой Толстого, или самъ Толстой,—напротивъ, составляютъ особаго рода мученіе. Дѣти для женщины интеллигентнаго міра—не радость, не гордость, не исполненіе призванія, а страхъ, тревога, непрестанное страданіе, непрестанная казнь. Матери боятся полюбить дѣтей, чтобы полюбивъ не бояться за здоровье и жизнь ребенка. Поэтому онѣ не хотятъ сами и кормить дѣтей, чтобы слишкомъ ихъ не полюбить. Тутъ любовь, самое радостное настроеніе души, представляется опасностію. Образованная женщина не умѣетъ смотрѣть на ребенка иначе, какъ только на удовольствіе. Она вся погружается въ животное материнское чувство, въ чувственность. Мысли же о томъ таинственномъ значеніи появленія новаго человѣческаго существа, которое замѣнить насъ, нѣтъ никакой. Нѣтъ того, что при крещеніи говорить и дѣлаютъ надъ ребенкомъ. Вѣдь никто не вѣритъ въ это, а между тѣмъ это было не что иное, какъ напоминаніе о человѣческомъ значеніи младенца. Это бросили, не вѣрять, а